

Предисловие «Полки»

*Роман с криминальным сюжетом
и глубокой религиозно-философской подоплекой.
Достоевский размышляет о пагубности гордыни
и показывает, что преступление не может быть
залогом величия.*

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Нищий и болезненно гордый студент Родион Романович Раскольников решает проверить, способен ли он на поступок, возвышающий его над «обычными» людьми. Для этого он убивает жалкую старую ростовщицу — а затем и ее сестру, случайно оказавшуюся на месте преступления. Достоевский переиначивает детективный сюжет: имя убийцы и состав преступления известны с самого начала, а интригу составляет неотвратимое приближение наказания. Раскольников знакомится с проституткой Соней Мармеладовой, которая способствует его духовному перерождению, по пути к развязке спасает свою сестру от негодяя-жениха и вступает в психологическую дуэль со следователем Порфирием Петровичем. Остросюжетность Достоевский совмещает с предвещающими экзистенциализм философскими вопросами о свободе личности — и создает один из самых важных романов в истории литературы.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Первые идеи, которые войдут в роман, писатель формулирует в 1863 году. Непосредственная работа над «Преступлением и наказанием» идет в 1865–1866 годах. Роман постепенно разрастается, вбирая в себя некоторые более ранние замыслы. Парал-

лельно Достоевский обдумывает роман «Пьяненькие» («разбирается не только вопрос [о пьянстве], но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке...») и предлагает его издателю «Отечественных записок» Андрею Краевскому. Тот отвечает отказом.

В это время Достоевский находится в крайне стесненном финансовом положении: после смерти брата Михаила, с которым он вместе издавал журнал «Эпоха», писатель, и сам бедствовавший, взял на себя долги покойного. Его осаждали кредиторы. 2 июля 1865 года Достоевский заключил договор с издателем Федором Стелловским: тот брался выпустить трехтомное собрание сочинений Достоевского и обязал его написать новый роман к 1 ноября 1866-го. В противном случае Стелловский получил бы право в течение девяти лет издавать его произведения, ничего не платя автору; Достоевский был бы разорен, и ему бы грозила долговая тюрьма.

В сентябре 1865-го Достоевский предлагает проект «Преступления и наказания» (в то время он еще считает, что это будет небольшая повесть) издателю журнала «Русский вестник» Михаилу Каткову*¹. По словам Достоевского, он собирался сочинить «психологический отчет одного преступления» бедного студента. Герой повести «решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты», а затем жить честно и приносить

---

*¹ Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — издатель и редактор литературного журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В молодости Катков известен как либерал и западник, дружит с Белинским. С началом реформ Александра II взгляды Каткова становятся заметно консервативнее. В 1880-е он активно поддерживает контрреформы Александра III, ведет кампанию против министров нетитульной национальности и вообще становится влиятельной политической фигурой, а его газету читает сам император.

пользу людям, но в конце концов не выдержал мук совести: «он кончает тем, что принужден сам на себя донести. <...> Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело». Здесь налицо основная сюжетная линия будущего романа, но нет еще ни Мармеладовых (они вскоре перейдут в «Преступление и наказание» из так и не написанных «Пьяненьких»), ни Свидригайлова, ни других важных персонажей.

Достоевский усердно работает над романом всю осень, но в конце ноября сжигает написанное и начинает заново. Первые две части романа он отправляет Каткову в декабре 1865-го, затем, уже после их публикации, продолжает работу на протяжении всего 1866 года — постоянно отбиваясь от кредиторов (их именами он награждает в черновиках романа некоторых персонажей).

Кризисный момент наступает в июне: Стелловский напоминает, что в ноябре ждет от Достоевского новый роман, и писатель решает на «небывалую и эксцентрическую вещь» — писать два романа одновременно. Параллельно с «Преступлением и наказанием» он сочиняет «Игрока» — и здесь происходит одно из главных событий его жизни. Для скорости он решает нанять стенографистку, и ему рекомендуют молодую девушку Анну Сниткину. Достоевский диктует ей «Игрока» — роман завершён меньше чем за месяц, писатель спасён. Довольный работой со Сниткиной, Достоевский предлагает ей стенографировать завершение «Преступления и наказания» — но его интерес к помощнице уже совсем не профессиональный. Вскоре он делает Сниткиной предложение, в начале 1867-го она выхо-

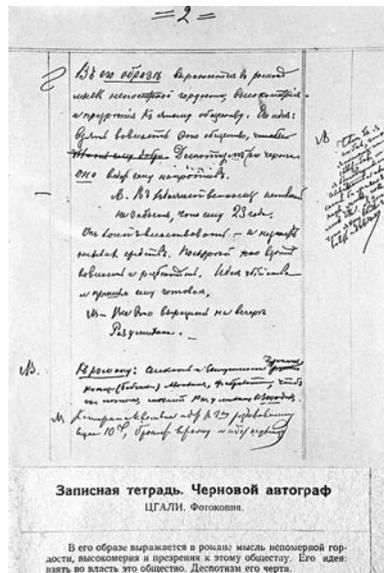
Усадьба в Люблине. 1902 год.
Здесь Достоевский писал «Преступление и наказание» летом 1866 года

дит за Достоевского замуж и до конца его дней остается настоящим его ангелом-хранителем. В канун нового, 1867 года «Преступление и наказание» окончено — невероятный темп для одного из главных романов в истории мировой литературы. Достоевский жаловался в письме: «Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я постоянно пишу, Тургенев умер бы от одной мысли».

КАК ОНА НАПИСАНА?

Первое, что бросается в глаза, — динамичность, острота сюжета. Для многих «серьезных» произведений это был бы скорее минус, но Достоевский, во многом опираясь на структуру авантюрного романа¹, увлекает из этого одни преимущества. При огромной скорости работы он умудряется выстроить сложнейшую систему персонажей и отношений. Мы с самого начала знаем убийцу, но с интересом следим за его изобличением, улавливаем многочисленные параллели к его поведению в поступках и словах других героев — и в то же время ему сопереживаем.

После работ Михаила Бахтина широко распространилось представление о том, что зрелая проза Достоевского полифонична: в его романах происходит напряженный диалог не просто между главными героями, но между их сознаниями — вполне субъектными, самостоятельными, а не просто выражающими различные мысли автора. Хотя в центре «Преступления и наказа-

Черновик «Преступления и наказания».
Из собраний
Дома-музея Достоевского

ния» — сознание Раскольникова, альтернативы ему, пусть в чем-то родственные, можно увидеть в других героях — Свиригайлове, Мармеладове, Порфирии Петровиче. Противоборство этих сознаний, взглядов на жизнь и этики мы и наблюдаем в долгих диалогах героев. Диалог вообще движущая сила прозы Достоевского; по несочувственному отзыву Набокова, ему, «казалось, самой судьбой... было уготовано стать величайшим русским драматургом, но он не нашел своего пути и стал романистом»².

В каком-то смысле «Преступление и наказание» можно назвать инвариантом*¹ сюжета Достоевского: по словам исследователя Сергея Аскольдова, «преступление в романах Достоевского — это жиз-

*1 Инвариант — общая схема сюжета, не меняющаяся от произведения к произведению.

ненная постановка религиозно-этической проблемы. Наказание — это форма ее разрешения»³. Таким образом, хотя «Достоевский никогда не пропускает случая прибегнуть к сильным эффектам»⁴, криминальная завязка романа — не поблжка публике, охочей до острых переживаний, а необходимое условие для разворачивания философского конфликта. Согласно Борису Энгельгардту, Достоевский писал «не романы с идеей... но романы об идее»⁵. В «Братьях Карамазовых» Алеша так характеризует своего брата Ивана: «Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Раскольников тоже из этой породы.

Можно говорить и о стилистической полифонии «Преступления и наказания». Несмотря на то что доминанта романа — страстные, иногда исступленные реплики (внутренние монологи Раскольникова, исповедь Мармеладова, восклицания Сони), другие герои могут весело шутить (Разумихин), занудствовать (Лужин), ерничать (Порфирий Петрович), неторопливо размышлять как бы сами с собой (Свидригайлов). Позволяет себе юмористический тон и сам «не погрешающий» автор, особенно когда прохаживается насчет иностранцев (например, в изображении квартирной хозяйки Амалии Людвиговны с ее ломаной русской речью. Характерно, что ругательство Катерины Ивановны — «куриная нога в кринолине» — принадлежит самому Достоевскому, который звал так знакомую немку-гувернантку⁶.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

На «Преступление и наказание» повлияли как многочисленные литературные традиции, так и реальные события. Обычно называют двух возможных прототипов Раскольникова: приказчика Герасима Чистова, который в 1865 году совершил двойное убийство с целью ограбления, и французского убийцу Пьера Франсуа Ласнера, казненного в 1836-м. Ласнер бахвалился своими преступлениями и, по словам Достоевского, называл себя «мстителем, борцом с общественной несправедливостью». Он был, кроме того, литератором (Раскольников тоже написал статью о психологии преступника), а Чистов — старообрядцем, или, по-другому, раскольников. Еще одно преступление, которое «произвело на Достоевского сильнейшее впечатление»⁷, — покушение бывшего студента Каракозова на Александра II. Оно было совершено в то время, когда Достоевский писал «Преступление и наказание», и могло повлиять на его финал.

В «Преступлении и наказании» можно найти аллюзии на многие наверняка или предположительно известные Достоевскому книги — от «Ревизора» Гоголя и «Парижских тайн» Эжена Сю*¹ до философских работ Макса Штирнера и трудов Чарльза Дарвина. Михаил Бахтин возводит генеалогию прозы Достоевского к европейским авантюрным романам и через них к сократическим диалогам и менипповой

*¹ Эжен Сю (1804–1857) — французский писатель. Автор романов из морского быта (например, «Кернок-пират», «Саламандра»), исторических («Латреомон», «Жан Кавалье») и салонных («Матильда», «Артур», «Чертов холм») романов. В 1840-х годах Сю увлекся социалистическими теориями, под их влиянием написаны романы «Вечный жид», «Парижские тайны», роман «Тайны народа» в 16 томах. После госпереворота Наполеона III был выслан из Парижа.

Пьер Франсуа Ласенер вместе с подельником убивают Жана Франсуа Шардона и его мать. 1858 год

сатире — жанру, особенности которого Бахтин пытался реконструировать; среди этих особенностей — карнавальность*¹ (одна из важнейших бахтинских эстетических категорий), установка на диалог, исключительные, «сенсационные» события, мотив поиска правды и «трущобный натурализм». Все это действительно можно встретить в «Преступлении и наказании», хотя в большей степени это характерно для комической и фантастической прозы Достоевского.

Очень важна для «Преступления и наказания» европейская романтическая традиция. В рассуждениях Раскольникова об ощущениях приговоренного к казни сказывается не только личный опыт*² Достоевского, но и повесть Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти». В черновиках романа Достоевский сравнивает Раскольникова с разбойником Жаном Сбогаром — протагонистом романа Шарля Нодье*³. Герои «Преступления и наказания» не случайно много раз

*¹ Этим термином Бахтин обозначил влияние традиций средневекового карнавала на культуру Нового времени. Суть карнавала сводится к «инверсии двоичных противопоставлений», то есть все переворачивается с ног на голову: шут становится королем, богохульник — епископом и т. д. Теорию карнавала Бахтин изложил в работах «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» и «Проблемы поэтики Достоевского».

*² Достоевский был осужден за чтение письма Белинского в кружке петрашевцев и приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой.

*³ Жан Шарль Эммануэль Нодье (1780–1844) — французский писатель, энтомолог. Служил

Революционер-террорист
Дмитрий Каракозов. 1865 год.
Покушение Каракозова на Александра II
произвело на Достоевского сильнейшее
впечатление

поминают Шиллера, который был в числе любимых авторов Достоевского; одним из литературных прототипов Раскольникова можно назвать главного героя «Разбойников» Карла Моора. Другие архетипические предки Раскольникова — Гамлет и Фауст: страдающие, терзающиеся герои, которым приходится совершить убийство или косвенно в нем поучаствовать.

Среди русских литературных влияний исследователи называют произведения Пушкина: «Пиковую даму» (в которой молодой человек становится причиной смерти старухи), «Моцарта и Сальери» (идея «несовместности» гения и злодейства), «Бориса Годунова» (мотив раскаяния в преступлении). Топографически

верные, но вместе с тем зловещие образы российской столицы вызывают в памяти не только «Физиологию Петербурга» с ее описаниями петербургских трущоб, но, конечно, и Гоголя, чья проза сохраняла влияние на Достоевского на протяжении всей его жизни.

Как показал Юрий Тынянов, литературные влияния у Достоевского зачастую приобретают пародийную окраску⁸. В «Преступлении и наказании» появляется карикатурный нигилист Лебезятников, «с третьего голоса» перепевающий идеи революционеров. Он заявляет: «Мы пошли дальше в своих убеждениях. Мы больше отрицаем! Если бы встал из гроба Добролюбов, я бы с ним поспорил. А уж Белинского закатал бы!» Он делает нелепые комплименты Петру Петровичу Лужину: «Приписывал ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой “коммуны” где-нибудь в Мещанской улице; или, например, не мешать Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника; или не крестить своих будущих детей и проч., и проч. — все в этом роде». Легко узнать здесь утрированную риторику из тургеневских «Отцов и детей» и опошленную идеологию «Что делать?» Чернышевского — так Достоевский в своем в общем не политическом романе одним краем задевает «антинигилистическую» тенденцию русской прозы 1860-х. Впрочем, дальше Лебезятников, несмотря на свою пошлость, оказывается честным человеком, разоблачая обман Лужина: драматичная сцена, в которой Союю обвиняют в краже ста рублей, а потом

библиотекарем. Известность ему принес разбойничий роман «Жан Сбогар». Был участником объединения французских романтиков «Сенакль», писал фантастические и сатирические повести.

этот обман раскрывается, напоминает уже не о русских писателях, а о Диккенсе — почти такой же эпизод можно встретить в «Лавке древностей». Дух Диккенса носится и над одной из следующих сцен, где сошедшая с ума Катерина Ивановна пытается заставить своих детей просить милостыню. Диккенс был одним из любимых писателей Достоевского (правда, история о его встрече с Диккенсом в Лондоне не более чем легенда).

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Роман печатается в журнале «Русский вестник» на протяжении всего 1866 года — обычная для XIX века «сериальная» модель публикации крупных произведений. Сотрудничество было взаимовыгодным: Достоевский избавлялся от долгов, а «Русский вестник» получал известного автора, что прекрасно сказалось на его тираже.

Первые две части выходят в январском и февральском номерах, но дальше возникает заминка: Катков решает отложить публикацию после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II. Вероятно, сыграло роль то, что Каракозов, как и Раскольников, был недоучившимся студентом, а печатать подробный самоанализ преступника было опасно в «горячих» политических обстоятельствах (после выстрела Каракозова власти, например, закрыли журнал «Современник»). Это не единственное совпадение «Преступления и наказания» с реальностью: перед самым началом публикации московский студент по фамилии Данилов убил ростовщика и его служанку — преступление широко обсуждалось в печати, при-

чем журналисты сопоставляли Данилова с Раскольниковым.

Публикация возобновляется в апреле и с перерывами длится до декабря. Параллельно в том же «Русском вестнике» печатается «Война и мир» Толстого — два величайших русских романа с самого начала стоят рядом.

Первое отдельное издание романа в двух томах выходит в 1867 году, Достоевский вносит в него существенные поправки. В 1870-м «Преступление и наказание» выходит в том самом собрании сочинений, которое печатал жестокий издатель Стелловский; последнее прижизненное издание романа состоялось в 1877 году.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Скажем так: неравнодушно. Первым и глубоко апологетическим отзывом на роман — сразу после начала публикации — стала анонимная заметка в газете «Голос»: рецензент считал, что роман «обещает быть одним из капитальных произведений автора “Мертвого дома”», подчеркивал «потрясающую истину» в описании преступления Раскольникова и особенно хвалил сон об убийстве лошади. Следующая заметная рецензия вышла в «Современнике» — за авторством Григория Елисеева. Она сразу же превратилась в курьез: Елисеев уловил в романе, кажется, только то, что Раскольников был студентом и что разговоры о преступлении ради справедливости — это «самые обыкновенные... молодые разговоры и мысли», и заявил, что у Достоевского «целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении

на убийство с грабежом». Обо всех терзаниях героев Елисеев высказывался так: «...автор в восторге от написанной им драбедени, вероятно, воображает себя знатоком человеческого сердца, чуть-чуть не Шекспиром».

Отзыв «Современника» и другие выдержанные в том же духе реплики из «демократического лагеря» ернически утрирует анонимный рецензент газеты «Гласный суд» — он изобразил ажиотаж вокруг романа («особенно в провинции»):

Только, бывало, и слышишь толки: ах, какой глубокий анализ! Удивительный анализ!.. О, да! — подхватывала другая барыня, у которой и самой уже возбудилось желание пустить в дело это новое словечко, — анализ действительно глубокий, но только знаете ли что? — прибавляла она таинственно, — говорят, анализ-то потому и вышел очень тонкий, что сочинитель сам был... при этом дама наклонялась к уху своей удивленной слушательницы... Неужели?.. Ну да, зарезал, говорят, или что-то вроде этого...

Это очевидное издевательство, но оно кое-что говорит о популярности «Преступления и наказания».

Совсем другой тон взял писатель Николай Ашхарумов, напечатавший свою рецензию в журнале «Всемирный труд». Он разбирал несостоятельность теории Раскольникова («И где у него эти высшие цели?.. Где силы Ньютона и где открытия Кеплера?..»), ставил под сомнение его восхищение «необыкновенными людьми» («Если их и венчала толпа, то ведь он же

за то и презирает толпу») — и первым высказал мнение, которое впоследствии не раз произносилось: Раскольников — поэт, писатель, почти такой, как Достоевский, только Достоевский как раз никого бы не зарезал:

Мы должны допустить, что автор сделал ошибку, не отделив достаточно ясной чертой себя от своего создания. <...> Анализ, в основе своей глубоко верный, получил ложный оттенок, и этот ложный оттенок явился вокруг головы Раскольникова какую-то бледную ореолою павшего ангела, которая вовсе ему не к лицу.

Две статьи*¹ о «Преступлении и наказании» опубликовал Дмитрий Писарев. Он, по своему обыкновению, подходит к роману «объективно»: выводит преступление Раскольникова из его социального положения — «мелкой и неудачной борьбы за существование». Обычные человеческие чувства, любовь к родным «становятся противозаконными и противообщественными... с той минуты, как Раскольников превратился в голодного и оборванного бедняка». Теорию Раскольникова Писарев всячески старается «отвязать» от воззрений «новых людей», сопоставление Наполеона с Ньютоном и Кеплером отвергает («никакая любовь к идее никогда не могла превратить их в мучителей по той простой причине, что мучения никого не убеждают, а следовательно, никогда не приносят ни малейшей пользы той идее, во имя которой они производятся»), а идею о, как говорится, роли личности в истории критикует с позитивистских позиций: по его

*¹ «Будничные стороны жизни» (1867) и «Борьба за существование» (1868).

мнению, отдельная личность может совершать великие дела, только когда совпадает с «великими общими причинами» (прямотаки толстовская «сила, движущая народами»).

Николай Страхов в статье «Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание», напротив, прямо увязывал поведение «честного убийцы» Раскольникова с нигилистской блажью: «Автор взял нигилизм в самом крайнем его развитии, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти. <...> От девушки, из теории обстригающей себе косу, до Раскольникова, из теории убивающего старуху, расстояние велико, но все-таки это явления однородные». Впрочем, «Раскольников не есть тип»: его преступление все же «случай в высокой степени характеристический, но исключительный», и для заблудшего героя, как и для нигилистов, не все потеряно:

Ведь нет никакого сомнения, что душа у них все-таки просыпается с своими вечными требованиями. Притом не все же они пусты и сухи. <...> Даже само страшное дело, совершенное Раскольниковым, для людей, коротко его узнавших, указывает на силу души, хотя извращенную и заблудшую.

Страхов считал, что Достоевский не до конца справился со своей огромной задачей: несмотря на «воскресение» Раскольникова в эпилоге, читатель так и не получает «внутреннего переворота в Раскольникове... пробуждения в нем истинно человеческого образа чувств и мыслей». Самое замечательное в страховской статье — анализ психологии Раскольникова: как мы помним, первая формули-

ровка замысла Достоевского — «психологический отчет одного преступления», и Страхов говорит о том, насколько убедительно показано восприятие Раскольниковым собственного поступка, во всех стадиях, вплоть до неизбежного финала. «Вы один меня поняли», — позже сказал Страхову Достоевский.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

За «Преступлением и наказанием» последовали остальные романы из «великого пятикнижия» Достоевского — «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Еще при жизни Достоевского отрывок из «Преступления и наказания» перевели на французский; в 1880-е книга была переведена на основные европейские языки. Роман оказал важное влияние на западную литературу — оно было ощутимо уже в XIX веке (можно вспомнить роман Поля Бурже «Ученик» 1889 года), но по-настоящему сказалось в XX: мотивы «Преступления и наказания» можно встретить у английских модернистов, таких как Вирджиния Вулф и Д. Г. Лоуренс, у французских экзистенциалистов Сартра и Камю (особенно в «Постороннем»). Еще отчетливей следы «Преступления и наказания» в немецкоязычной прозе — назовем Густава Мейринка, Леонгарда Франка, Йозефа Рота, Стефана Цвейга, Роберта Музиля⁹.

В России отношение к «Преступлению и наказанию» менялось вместе с восприятием Достоевского вообще. В конце XIX века «демократическому» пониманию писателя (которое отстаивал, например, Николай Михайловский, призывав-

ший не делать из Достоевского пророка) уже противостояло христианское, мистическое, протосимволистское — в первую очередь так смотрел на Достоевского и «Преступление и наказание» друг писателя, философ Владимир Соловьев. Для него было очевидно, что идея романа выводится из биографии Достоевского, с которым духовное перерождение, как и с Раскольниковым, произошло на каторге:

Положительный общественный идеал еще не был вполне ясен уму Достоевского по возвращении из Сибири. Но три истины в этом деле были для него совершенно ясны: он понял прежде всего, что отдельные лица, хотя бы и лучшие люди, не имеют права насиловать общество во имя своего личного превосходства; он понял также, что общественная правда не выдумывается отдельными умами, а коренится во всенародном чувстве, и, наконец, он понял, что эта правда имеет значение религиозное и необходимо связана с верой Христовой, с идеалом Христа.

Схожие мысли о «Преступлении и наказании» можно прочесть у Константина Леонтьева, — впрочем, Леонтьев полагал, что в этом романе Достоевский еще мало думал о подлинном христианстве (к примеру, Соня Мармеладова отслужила только панихиду по отцу, а должна бы служить молебны, советоваться с духовниками и монахами, прикладываться к чудотворным иконам и мощам, читать не только Евангелие, а жития святых).

Чем дальше критика Достоевского уходила от позитивизма, тем больше говорилось о центральном значении «Пре-

ступления и наказания» среди его романов. Василий Розанов даже предлагал понимать все прочие тексты Достоевского «как обширный и разнообразный комментарий к самому совершенному его произведению — “Преступление и наказание”». Дмитрий Мережковский писал: «У Достоевского всюду — человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, растущая, развивающаяся из темных, стихийных, животных корней до последних лучезарных вершин духовности». О героях Достоевского, переступающих запретную черту, Мережковский говорит: «Их страсти, их преступления, совершаемые или только «разрешаемые по совести», суть неизбежные выводы их диалектики». Инвариант этого сюжета, этих мотивировок, конечно, в «Преступлении и наказании».

В целом с наступлением XX века оценку «Преступления и наказания» как одного из главных романов в мировой литературе уже ничто не могло поколебать, хотя в этом веке у Достоевского были серьезные ненавистники (Бунин: «Ненавижу вашего Достоевского! <...> Он все время хватает вас за уши и тычет, тычет, тычет носом в эту невозможную, придуманную им мерзость, какую-то душевную блевотину»; Набоков: «Убийца и блудница за чтением Священного Писания — что за вздор! <...> Это низкопробный литературный трюк, а не шедевр высокой патетики и набожности»). Роман стал предметом множества интерпретаций — литературоведческих, психоаналитических¹⁰, религиозных и, конечно, театральных и кинематографических. Он больше 20 раз экранизировался в разных странах; первой кинопостановкой стал немой фильм Василия Гончарова (1909, не сохранился). Из совет-

ских и российских экранизаций нужно отметить фильм Льва Кулиджанова (1969). Некоторые режиссеры, признавая за сюжетом Достоевского культурную архетипичность, перенесли действие в другие страны или в современность. Например, так поступил Аки Каурисмяки, для которого вольная экранизация Достоевского стала полнометражным дебютом.

КТО ТАКАЯ СТАРУХА-ПРОЦЕНТЩИЦА?

Для петербуржца 1860-х старуха-процентщица — вполне узнаваемый типаж. Мелкое ростовщичество (как сейчас сказали бы, микрозаймы) стало в это время очень распространенным явлением: обитатели трущоб, верхних этажей доходных домов, рабочие, студенты, чиновники — все жили бедно. «Только в одном номере... “Ведомостей С.-Петербургской полиции” за 1865 г. помещено одиннадцать объявлений об отдаче денег на проценты под различные залого», — сообщает комментатор «Преступления и наказания»¹¹. Условия выкупа залогов были суровыми, но свою старуху Достоевский делает нетипично скарденной: она «дает вчетверо меньше, чем стоит вещь» и удерживает проценты вперед («по гривне в месяц с рубля», то есть 10 процентов). Благодаря такой оборотистости она, вдова бедного чиновника (коллежского регистратора или коллежского секретаря — Достоевский путается в показаниях),

сколачивает неплохой капитал: полиция находит в ее квартире около полутора тысяч рублей, да еще чуть больше трехсот уносит оттуда Раскольников. Молва приписывает ей еще большее богатство («может сразу пять тысяч выдать»).

Ростовщичеством занимались не обязательно старухи. Сам Достоевский еще в 1840-х был вынужден прибегать к услугам «одного отставного унтер-офицера, бывшего прежде приемщиком мяса у подрядчиков во 2-м Сухопутном госпитале и дававшего деньги под заклад». Сосед Достоевского в те годы, врач Александр Ризенкампф, писал: «Понятно, что при этой сделке Федор Михайлович должен был чувствовать глубокое отвращение к ростовщику. Оно, может быть, припомнилось ему, когда, столько лет спустя, он описывал ощущение Раскольникова при первом посещении им процентщицы»¹².

Старуха появляется в романе именно потому, что она стара, заживает чужой век, скоро умрет и убийство лишь приблизит ее конец. Судя по всему, на Достоевского здесь повлиял роман Бальзака «Отец Горрио». Вот отрывок из черновика Пушкинской речи*¹ Достоевского:

У Бальзака в одном романе, один молодой человек, в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к (любимому) своему товарищу, студенту, и спрашивает его: «Послушай, представь себе, — ты нищий, у тебя ни гроша,

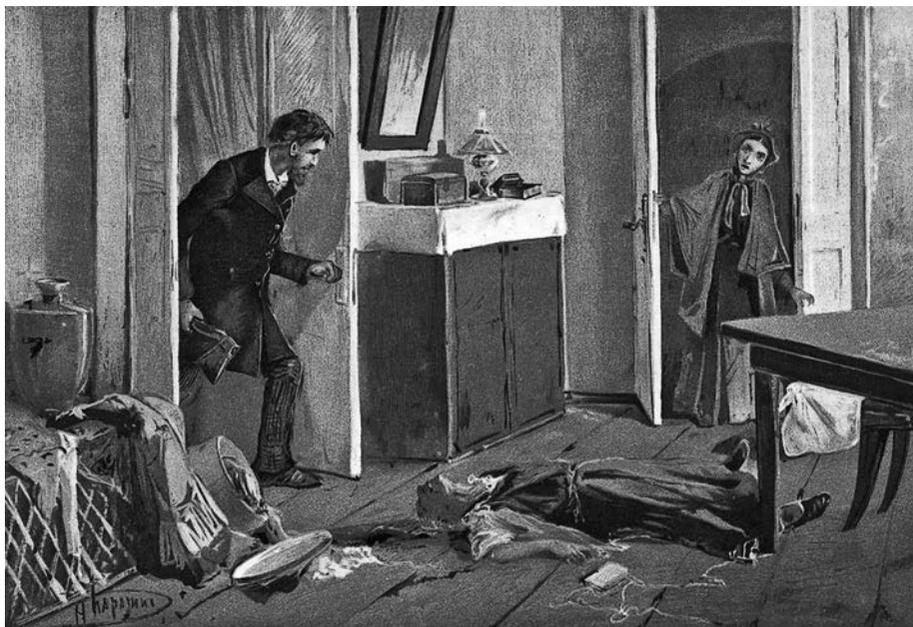
*¹ Достоевский произносит речь о Пушкине в 1880 году на заседании Общества любителей российской словесности, главным ее тезисом была мысль про народность поэта: «И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин». Речь имела громадный успех и с предисловием и дополнениями была опубликована в «Дневнике писателя».

и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и за смерть мандарина тебе волшебник [пошлет] сейчас миллион и никто этого не узнает, и главное, он ведь где-то в Китае, он мандарин все равно, что на Луне или на Сириусе, — ну что, захотел бы ты сказать — умри, мандарин, чтоб сейчас же получить этот миллион?»

Бальзак, в свою очередь, заимствует эту моральную дилемму у Шатобриана. Другой литературный источник образа процентщицы — старая графиня из «Пиковой дамы», которая вместо богатства приносит Германну сумасшествие.

Впрочем, у старухи-процентщицы мог быть один вполне конкретный, не литера-

турный прототип — тетка писателя, купчиха Александра Куманина. Она была очень богата, но все свои деньги завещала «на украшение церквей и поминовение души»¹³, отказав в помощи осиротевшим детям Михаила Достоевского, брата писателя. Вспомним, что и Алена Ивановна свои деньги завещала монастырю. Достоевский имел основания быть благодарным тетке (она деньгами способствовала его поступлению в Инженерное училище), но впоследствии его тяготил вопрос о «куманинском наследстве». В последний раз он говорил об этом с сестрой Верой: та просила его отказаться от своей доли в куманинском имении в пользу ее детей. Достоевского этот тяжелый разговор так потряс, что у него пошла горлом кровь, а через два дня он скончался. В истории семьи писателя есть еще один макабриче-

Николай Карзин. Иллюстрация к «Преступлению и наказанию». 1893 год

ский отзвук «Преступления и наказания»: в 1893 году была убита другая сестра покойного Достоевского, Варвара Карепина, отличавшаяся, по воспоминаниям, «патологической скупостью». Убийцами оказались дворник Карепиной и его дальний родственник.

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК УБИЛ РАСКОЛЬНИКОВ?

Этот вопрос может показаться странным: ясно же, что двух. Но стоит вспомнить, что Лизавета, сестра старухи-процентщицы, «поминутно была беременна», а из черновых редакций «Преступления и наказания» следует, что беременна она была и в момент убийства: в одной редакции Настасья рассказывает, что погибший ребенок был «лекарский», зачатый от доктора (то есть от Зосимова), а в другой сообщается совсем шокирующая подробность: «А ведь ее ж потрошили. На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький». По одной из версий, на исключении этого места настоял публикатор романа Михаил Катков.

Если не считать нерожденного ребенка, который в конце концов не попал в итоговый текст, мы помним, что Раскольников настаивает: убив старуху, он символически убил себя. «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..»

Впрочем, и себя Раскольников убил не окончательно: в конце концов в остроге он, лишившись уничтожавшей его гордости, «воскресает». Однако еще одна жертва в его деле все же есть: это мать Раскольникова, Пульхерия Александровна, которая

не выдерживает потрясений, связанных с судьбой сына, и умирает через несколько месяцев после его ареста.

ЧТО ОЗНАЧАЮТ ИМЕНА ГЕРОЕВ РОМАНА?

Фамилия Раскольников говорит о его происхождении из старообрядческого («раскольничьего») рода — и, разумеется, намекает на топор, орудие убийства в «Преступлении и наказании». Более того, инициалы Родиона Романовича Раскольникова — Р. Р. Р. — напоминают топоры даже визуально, не исключено, что это намек на совершенные героем убийства (старухи, Лизаветы и ее нерожденного ребенка — или, если ребенка не было, на символическое убийство себя самого). Имя Родион означает «житель Родоса», а Роман — «римлянин»; таким образом, в имени героя трижды закодирована чуждость, отдельность. Примечательно, что убивший в 1865 году топором двух старух грабитель Герасим Чистов был старообрядцем — раскольников; скорее всего, это повлияло на выбор фамилии для героя Достоевского.

Другие имена и фамилии в романе тоже значимы. В жизни несчастных Мармеладовых нет никакой сладости — в этой фамилии звучит горькая насмешка¹⁴, зато имя Соня, то есть София, апеллирует к «стихии высшей мудрости, которая, согласно народным верованиям, скрыта от “мудрецов”, но зато открыта чистым сердцем “детям” и блаженным духом»¹⁵. Заурядная фамилия Лужин, стоит нам узнать поближе этого героя, наводит на ассоциации с грязной лужей; в свою очередь,

Мужской цилиндр. 1870-е годы.
Раскольников носит «циммермановскую»
(то есть купленную в магазине
Циммермана) шляпу — до неприличия
изношенный цилиндр

фамилия Разумихина помимо явно семи-нарского происхождения обличает его «положительность».

Фамилия Свидригайлов происходит от имени литовского великого князя Свидригайло, но с князем этого персонажа ничто не связывает. Достоевский, судя по всему, запомнил эту фамилию по журналу «Искра»: в 1861 году там был опубликован фельетон о некоем чиновнике особых поручений Свидригайлове — «человеке темного происхождения, с грязным прошедшим», «личности отталкивающей, омерзительной для свежего честного взгляда, вкрадчивой, вползающей в душу» — все сходится.

Наконец, фамилия еще одного, совсем эпизодического, персонажа — портного Капернауова, в чьей квартире нанимает комнату Соня, — отсылает к Евангелию: в галилейском Капернауме проповедовал и совершал чудеса Христос, а рядом с Капернауом находился город Магдала — родина раскаявшейся блудницы Марии Магдалины, с которой очевидным образом сопоставляется Соня. Еще одно зна-

чение слова «капернаум» в русском языке времен Достоевского — кабак, притон; это отражает амбивалентность и Сони, и петербургского дна, на котором можно вдруг увидеть путь к спасению.

КАКИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БЫЛИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ РАСКОЛЬНИКОВА?

Ставить диагнозы литературным персонажам — рискованное занятие, но многое о психологическом состоянии Раскольникова можно сказать определенно. Попытки проанализировать «Преступление и наказание» с точки зрения медицины делались: психиатр Андрей Петрушин вообще считает роман Достоевского точной историей болезни, которую можно сверять с академическим «Руководством по психиатрии»¹⁶. В работе Петрушина можно встретить термины «шизоидная акцентуация», «аутизация», «синдром Кандинского–Клерамбо», «ментизм»; все это, по мнению врача, складывается в картину шизофрении или, мягче, шизотипического расстройства. Различные попытки определить расстройство героя есть и в самом романе. На суде над Раскольниковым защита прибегает к «новейшей модной теории временного умопомешательства»; до этого родные Раскольникова, друг Разумихин, даже следователь Порфирий Петрович постоянно подозревают у него «горячку», «белую горячку» — эти слова встречаются и в авторских репликах, и в замечаниях критиков романа. Но белая горячка — обиходное название алкогольного делирия, а алкоголизмом Раскольни-

ков отнюдь не страдает. Его болезненную раздражительность, сменяющуюся апатией, можно приписать неврастении, которая связана с переутомлением и полуголодным образом жизни (единственный врач в романе, Зосимов, так и говорит — с поправкой на просторечие Разумихина: «Нервный вздор какой-то, паек был дурной, говорит, пива и хрену мало отпустили, оттого и болезнь»). Но обостренное чувство гордости сюда, пожалуй, уже не вписывается.

Раскольников бросается из крайности в крайность: сначала хочет спасти от приставаний девочку на бульваре, потом бросает: «Пусть его позабавится»; сначала отдает Мармеладовым все деньги, потом укоряет себя: «Тут у них Соня есть, а мне самому надо»; перед убийством продумывает такую деталь, как петля для топора под пальто, а затем совершает одну оплошность за другой. Японский исследователь Достоевского Кэнноске Накамура пишет, что Раскольников «пребывает в жестокой депрессии»¹⁷. В поведении героя легко заметить параноидальные черты, его реакции резки и импульсивны, хотя и проникнуты ощущением моральной правоты: мать Раскольникова явно опасается своего сына, когда просит его не судить поспешно о Лужине и объясняет, почему не рассказала о том, что к Дуне приставал Свидригайлов. В «наполеоновской» теории, конечно, можно углядеть признаки мегаломании; Порфирий Петрович употребляет и термин XIX века «мономания».

Достоевский не любил, когда его называли психологом, и «к современной ему психологии — и в научной и в художественной литературе и в судебной практике... относился отрицательно»¹⁸.

Страдания, «нерешенность» души в его прозе — не предмет медицинского анализа; Раскольников в той же мере исключителен, в какой и является человеком вообще. Разумеется, его психика до крайности расшатана, и в этом состоянии болезненная идея преступить закон, нарушить людские установления становится для него важнее, чем какие-либо материалистические мотивы. Его будто несет к цели, к роковому поступку; жизнь дает ему возможности подсознательно подыскать себе оправдание. В книге о Достоевском Виктор Шкловский относит к таким возможностям встречу с Мармеладовым: «Пьяненький оказался человеком, затоптанным жизнью; он связан с судьбой Раскольникова не только тем, что Родион видит его и его семью, но и тем, что негодование за участь семьи Мармеладова на время помогает Раскольникову снять с себя бремя раскаяния»¹⁹.

В первоначальном замысле Достоевского основным мотивом преступления было желание обеспечить мать и сестру. Но затем, по мере усложнения образа Раскольникова, деньги уходят на второй план (хотя письмо от матери, еще больше подогревшее взвинченное состояние героя, конечно, сыграло роль в его решении). Главным становится желание преступить через себя, через социальный запрет, полагаемый естественным; слово «преступление» здесь приобретает буквальный смысл, высвобождает свою внутреннюю форму. Нужно вспомнить, что по всему роману разбросана система «триггеров», случайностей, которые обуславливают действие, «двойников», которые словом или делом копируют Раскольникова. Например, вполне возможно, что он не ре-

шился бы на убийство, если бы не подслушал в трактире еще одного студента, говорившего о той же самой старухе-процентщице:

— Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, — загорячился студент. — Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, — отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.

— Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленище тысячами добрых дел?

Раскольникова чрезвычайно волнует, что студент высказывает «такие же точно мысли», которые мучат его самого. «Этот ничтожный, трактирный разговор имел

чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела» — и, вполне возможно, дело как раз в том, что Раскольников не мог стерпеть конкуренции. Наполеоном, который ценой жизни ничтожной старухи сотворит величайшее добро, достигнет истинного величия и, главное, посмеет презреть людские установления, мог быть только он, а не какой-то другой студент.

В ЧЕМ СОСТОИТ ТЕОРИЯ РАСКОЛЬНИКОВА И ПРИ ЧЕМ ТУТ НАПОЛЕОН?

О теории Раскольникова мы узнаём сначала со слов Порфирия Петровича, потом из объяснений главного героя. За несколько месяцев до убийства старухи и ее сестры Раскольников написал статью о «психологическом состоянии преступника в продолжении всего хода преступления». Главной, однако, в статье была мысль, «пропущенная намеком»: люди делятся на «обыкновенных» и «необыкновенных», и необыкновенным, исключительным людям можно простить преступления, если цель оправдывает средства:

...Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с жертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству.

В описании этой теории легко увидеть критику революционеров, которые оправдывают жертвы на пути к светлому будущему такой же «арифметикой»²⁰. Но Раскольников идет дальше: выясняется, что дело уже не в открытиях и не в пользе человечества, а единственно во власти, в праве попирать законы «обычных» людей. Воплощением человека, который посмел «наклониться и взять» власть, становится в глазах Раскольникова Наполеон Бонапарт.

В этом нет ничего удивительного: Наполеон был главным титаном XIX века, и не случайно в сумасшедших домах было много людей, воображавших себя Наполеонами. Французским императором восхищались романтики, в том числе и русские, невзирая на войну 1812 года. Наполеон и после смерти оставался в европейском сознании героем, поверженным титаном. В 1840–1860-е выходит многотомный труд историка и политика Адольфа Тьера «История Консульства и Империи», посвященный, по сути, не просто обелению, а возвеличению Наполеона — именно с этой трактовкой будет спорить Лев Толстой в «Войне и мире» (романе, который пишется в то же время и печатается в том же журнале, что «Преступление и наказание»). Достоевский подходит к критике Наполеона с другой стороны, чем Толстой. Исторический Наполеон остается только символом. Раскольников в конце концов сам упирается в вопрос романтики и романтизации, сравнивая свое преступление с наполеоновскими войнами: «А! не та форма, не так эстетически хорошая форма! Ну я решительно не понимаю: почему лупить в людей бомбами, правильною осадой, более почтенная форма?»

Достоевский умел сочетать в своих романах «вечные вопросы» со злободневностью. В 1860-е на слуху всего мира было имя другого Наполеона — императора французов Наполеона III, который явно видел себя духовным наследником своего дяди. Общим кумиром двух императоров был еще один великий властитель — Юлий Цезарь, о котором Наполеон III написал книгу. В этой книге он высказал мысли, близкие к теории Раскольникова:

Когда необыкновенные дела свидетельствуют о величии гениального человека, то приписывать ему страсти и побуждения посредственности — значит идти наперекор здравому смыслу. Не признавать превосходства этих избранных существ, которые от времени до времени появляются в истории подобно блестящим метеорам, разгоняющим мрак своего века и озаряющим будущее, — значит впасть в самое крайнее заблуждение.

Книга Наполеона III в России горячо обсуждалась — как и другая книга, из которой могла вырасти теория Раскольникова: «Единственный и его собственность» Макса Штирнера²¹. Немецкий философ объявлял высшей ценностью человека его собственное «я» — в угоду которому можно и нужно попирать любые моральные нормы. Книга Штирнера была хорошо известна в России и входила в условную «библиотечку нигилиста»; несмотря на то что о знакомстве Достоевского с ней нет достоверных сведений, многие исследователи считают это влияние доказанным²².

Раскольников и сам признается, что свою статью написал «по поводу одной книги», — но к формулированию теории

его явно привели не одни только книжные размышления. В реальности его мучит раздвоение: с одной стороны, он ищет человеческого участия и хочет делать другим добро, с другой — одержим идеей собственной исключительности. И эта вера в исключительность приводит в конце концов не к великим делам, а к тому, что нищий молодой человек совершает отвратительное и вместе с тем жалкое преступление — уже сознавая, что делает это напрасно и Наполеон тут ни при чем: «Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? — так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон».

Ну а то, что Раскольников предварил реальное преступление описанием теории, тоже характерно. То же самое делают современные массовые убийцы: перед тем как расстрелять прихожан церкви или мечети, они выкладывают в интернете многостраничные пылкие манифесты.

ЗАЧЕМ В РОМАНЕ НУЖНЫ
СВИДРИГАЙЛОВ И ЛУЖИН?
ПРАВДА ЛИ, ЧТО ОНИ
«ДВОЙНИКИ» РАСКОЛЬНИКОВА?

Свидригайлов и Лужин — важнейшие герои «Преступления и наказания», помимо Раскольникова, Сони, Разумихина и Порфирия Петровича. В литературоведении не раз высказывалась идея, что эти герои — своего рода двойники Раскольникова. Мотив двойничества занимал Достоевского (достаточно вспомнить повесть «Двойник»); подобие персонажей в «Преступлении и наказании» позволяет ему развивать свой «роман об идее», высвечивая эту идею в разных обличьях.

И Раскольников, и Свидригайлов, и Лужин — «теоретики». Воззрения Лужина напоминают «разумный эгоизм» Чернышевского, но Лужин излагает их до смешного приземленно — так же, как пытается подделаться к своему соседу Лебезятникову, гротескному «новому человеку»: «Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело». Свидригайлов, в свою очередь, считает, что «единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша»: такими словами он объясняет Дуне преступление ее брата, но в применении к нему самому эта «теория» — просто оправдание постоянного разврата.

Итак, между этими двумя героями и Раскольниковым устанавливаются зыбкие отношения, основанные на сходствах и различиях. Эти сходства и различия очевидны Раскольникову и мучат его. Услышав разглагольствования Лужина об экономической выгоде, а затем его мысли об убийстве старухи, кричит: «По вашей же вышло теории! <...> А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...» — хотя его самого к убийству тоже подтолкнула «теория», пусть менее рассудочная. Погрязший в разврате Свидригайлов, подобно Раскольникову, совершает этически противоположные поступки. Он то совратитель юных девочек и, возможно, убийца жены

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru